

На правах рукописи

ЛОМАНОВ Павел Владимирович

**КУЛЬТУРА СКИФО-САРМАТСКОГО
ВРЕМЕНИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

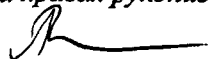
А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Кемерово 2006

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, flowing letters, likely the author's name.

2006 А
9027

На правах рукописи

ЛОМАНОВ Павел Владимирович

КУЛЬТУРА СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Кемерово 2006

Работа выполнена на кафедре культурологии и философии науки ГОУ ВПО «Красноярский государственный аграрный университет»

Научный руководитель:

доктор культурологии,
профессор Абсаямов Марат Бахтеевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
профессор Зиняков Николай Максимович

кандидат философских наук
Шубский Михаил Павлович

Ведущая организация:

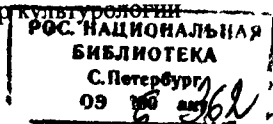
Красноярский государственный
университет

Защита состоится 26 мая 2006 г. в 15-00 часов на заседании диссертационного совета Д 210.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора культурологии в ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, ауд. 218

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Автореферат разослан 25 апреля 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор культурологии

Г. Н. Миненко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена проблемами культурологического познания археологических культур раннего железного века региона Приенисейской Сибири как социокультурных целостностей, выяснения основных особенностей, закономерностей, этапов культурогенеза в данном регионе, так как изучение локальных вариантов культуры как самобытных культурных феноменов является одной из основных задач культурологии. В указанный период территория бассейна Среднего Енисея вошла в ареал распространения культур скифо-сибирской культурно-исторической общности, ставшей феноменом евразийского масштаба и выразившейся в виде общей для народов всего пояса степей Евразии системы культурно-хозяйственных комплексов, мировоззренческих установок, исторически сложившихся взаимоотношений. Сама долина Среднего Енисея и сопредельные районы (полоса лесостепей, примыкающих к долине Среднего Енисея с запада, Нижнее Приангарье, Енисейско-Обское междуречье) в раннем железном веке стали местом встречи трех самобытных социокультурных миров: мира скифо-сибирского, представленного в данном регионе яркой своеобразной тагарской археологической культурой; мира схожих между собой таежных культур Западной Сибири, представленных кулайской культурой Приобья, и мира таежных культур Восточной Сибири.

В последние годы усилился интерес исследователей к прошлому таежных регионов Приенисейской Сибири. Имеющаяся в настоящее время база археологических, этнографических и других материалов, позволяет, с нашей точки зрения, подойти к характеристике основных черт материальной и духовной культуры таежных племен раннего железного века как социокультурных целостностей. Все актуальнее становится вопрос об этнокультурных связях таежного населения в указанную эпоху. Среди материалов многих памятников таежной зоны встречаются находки, позволяющие провести аналогии с южными лесостепными районами (прежде всего с материалами памятников тагарской археологической культуры) и констатировать наличие тесных этнокультурных связей с лесостепным югом. Большое количество подобных находок свидетельствует о значительной роли этих контактов в культурогенезе таежного населения раннего железного века и последующих эпох.

Проблема взаимодействия древних культур таежного и лесостепного миров выходит за рамки сугубо археологической науки. Встает задача выяснения характера этого взаимодействия на уровнях как материальной, так и духовной культуры, роли этого взаимодействия в этно- и культурогенезе как таежных так и лесостепных этносов. В последние годы данной проблемы касались многие исследователи-археологи, но чаще всего они подходили к

проблеме с узко специальных позиций и рассматривали лишь отдельные аспекты этнокультурных контактов (распространение из лесостепной зоны на север определенных типов изделий, изобразительных традиций в искусстве и т. д.). В фактах присутствия южных черт в таежных археологических комплексах некоторые исследователи (Р.В. Николаев, П.В. Мандрыка и др.) искали подтверждение различным этногенетическим концепциям. До сих пор не было предпринято обобщающих междисциплинарных исследований по данной тематике. Эта ситуация и определяет актуальность предпринятого нами исследования.

Степень научной разработанности проблемы. История изучения памятников тагарской культуры охватывает продолжительный период времени. Первые научные раскопки тагарских памятников были проведены уже в XVIII в. экспедициями Д.Г. Мессершмидта (1720-1727) и Г. Гмелина (1733-1743). Во второй половине XIX – начале XX века тагарские памятники привлекали к себе внимание таких ярких исследователей как В.В. Радлов, А.В. Адрианов, Д.А. Клеменц, И.П. Кузнецов-Красноярский, П.С. Проскуряков, В.П. Урусов, И.Т. Савенков, В.И. Анучин и др. Среди этой плеяды особенно следует отметить работы В.В. Радлова, предложившего первую периодизацию минусинских древностей, среди которых значительное место занимали находки и памятники тагарской культуры, и А.В. Адрианова, предпринявшего наиболее значительные археологические раскопки тагарских памятников.

В 1920-1930-е годы значительные исследования памятников тагарской культуры были проведены С.А. Теплоуховым, С.В. Киселевым, В.П. Левашовой, Л.А. Евтюховой и др. Отдельные тагарские памятники и находки в северных лесостепных районах исследовались А.Я. Тугариновым, Г.К. Мергартом и др. В.Г. Карцов одним из первых начал изучение поселенческих памятников тагарской культуры в Красноярском и Ачинском районах, а также, обратив внимание на глубокие отличия минусинских и красноярских тагарских памятников, предпринял попытку выделить в северных лесостепях особый вариант тагарской культуры (посткрасноярско-тагарская культура). Г.П. Сосновский предпринял первую попытку типологизации городищ Среднего Енисея, среди которых оказались и тагарские памятники. Особая роль в изучении тагарской культуры принадлежит С.А. Теплоухову, впервые выделившему ее как отдельную археологическую культуру (минусинская курганная культура), и С.В. Киселеву, впервые предложившему название «тагарская». Этими учеными была разработана также подробная ее периодизация, принимаемая и используемая большинством исследователей до настоящего времени.

Начиная с 1950-х годов до последних десятилетий изучение тагарской культуры проводится с особой интенсивностью. Огромное количество памятников, прежде всего, курганных могильников, изучалось такими учеными, как С.В. Киселев, А.Н. Липский, М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Пшеницына, Д.Г. Савинов, Г.А. Максименков, Э.Б. Вадецкая, Л.Р. Кызласов, А.В. Циркин, Э.А. Севостьянова, А.В. Суботин и др. Яркие памятники тагарского искусства исследовались С.В. Киселевым, Э.Б. Вадецкой, Я.А. Шером, М.А. Дэвлет и др. М.П. Грязнов, Л.Н. Членова работали над уточнением периодизации культуры. Я.И. Сунчугашев специализированно занимался исследованием древней металлургии и горного дела на территории Минусинской котловины.

Северные лесостепные районы (район Ачинско-Мариинской лесостепи и Красноярско-Канский район) исследованы в несколько меньшей степени, чем территория Хакско-Минусинской котловины, но и здесь велись интенсивные археологические работы. Городища тагаро-таштыкского времени в окрестностях города Ачинска исследовались Г.А. Аврааменко, отдельные тагарские памятники Красноярского района изучались Э.Р. Рыгдылоном, Р.В. Николаевым. Особо следует отметить работы А.И. Мартынова по изучению тагарских курганов и поселений Ачинско-Мариинской лесостепи и М.Б. Абсалямова, рассматривающего поселенческие памятники тагарской культуры. Также многие памятники тагарского времени в Красноярском районе исследовались Н.В. Нащекиным, Г.А. Максименковым, Н.П. Макаровым, П.В. Мандрыкой и др.

На материалах этих исследований А.И. Мартыновым в Ачинско-Мариинской лесостепи была выделена особая лесостепная тагарская культура и разработана ее подробная периодизация. Для Красноярского района Р.В. Николаев выделил красноярский вариант тагарской культуры.

Сопредельные с лесостепью таежные районы значительно позже привлекли внимание исследователей. Отдельные памятники и находки скифо-сарматского времени были описаны такими исследователями, как, Н.И. Витковский, С.М. Чугунов, А.И. Кытманов, А.П. Ермолаев, А.Я. Тугаринов, Г.К. Мергарт и др. Планомерное изучение памятников раннего железного века тайги Среднего и Нижнего Енисея и Северного и Нижнего Приангарья началось лишь с 1950-х годов. Здесь особо следует отметить работы А.П. Окладникова по Ангаре (прежде всего, памятники наскального искусства) и Р.В. Николаева в тайге Нижнего Енисея. В конце 1950-х годов Р.В. Николаев выдвинул особую концепцию этногенеза ряда нижеенисейских народов, предположив участие в нем представителей южных лесостепных палеометаллических культур (карасукской и тагарской), а также подметил наличие

тесных этнокультурных связей таежного населения Нижнего Енисея с тагарским лесостепным югом в скифо-сарматское время.

Однако следует признать, что по-настоящему интенсивные археологические работы в указанных выше таежных регионах начались лишь с 1970 годов, и особенно активизировались в последние годы. Н.И. Дроздов, В.П. Леонтьев, Н.П. Макаров и др. исследовали поселенческие памятники раннего железного века по Северной и Нижней Ангаре; Ю.А. Гревцов, А.Л. Заика, А.Ю. Тарасов изучали культовые комплексы и памятники наскального искусства в Нижнем Приангарье; В.И. Привалихин на основе материалов поселенческих и погребальных комплексов скифского времени выделил самобытную цепаньскую археологическую культуру в Нижнем и Северном Приангарье. В долине Среднего Енисея Н.П. Макаровым и П.В. Мандрыкой исследовались яркие погребальные и поселенческие комплексы (Казачинский археологический микрорайон). П.В. Мандрыка на основе этих материалов выделил особые шепелевский этап позднего бронзового века и нижнепорожнинский и шилкинский этапы раннего железного века, синхронные тагарскому времени, и указал на тесные этнокультурные связи тайги Среднего Енисея с лесостепью. На Нижнем Енисее планомерные работы по изучению археологических памятников, в том числе и скифо-сарматского времени в 1970-1980-е годы продолжал Р.В. Николаев. В последние годы П.В. Мандрыка, М.С. Баташев, Н.П. Макаров и др. открыли и изучили ряд новых памятников раннего железного века в таежных районах Нижнего Енисея.

Сама проблема взаимодействия лесостепных и таежных культур раннего железного века была поднята с открытием первых памятников скифского времени в таежной зоне. Проблему культурного взаимодействия таежного и лесостепного населения Восточной Сибири впервые поставили Р.В. Николаев в многочисленных публикациях, отражающих результаты многолетних археолого-этнографических исследований в районах Красноярской лесостепи, Минусинской котловины и таежной зоны Нижнего Енисея, и А.П. Окладников в вышедшей в 1978 году статье «Скифы и тайга. К изучению памятников скифского времени в Ленской тайге». В последние годы этой проблемы фактически касались все исследователи, работавшие в таежных и граничащих с тайгой лесостепных районах Приенисейского края, такие как П.В. Мандрыка, В.П. Леонтьев, А.Л. Заика, Ю.А. Гревцов, М.С. Баташев, Н.П. Макаров, В.И. Привалихин и др. Однако ими не ставилась задача анализа диалога лесостепных и таежных культур как целостных социокультурных миров.

Источниковая база исследования. Теоретическое моделирование мира культур скифо-сарматской эпохи бассейна Среднего Енисея и сопредельных территорий (Ачинско-марийской котловины, Северного и Нижнего

Приангарья) потребовало использования всех доступных археологических источников, таких как материалы поселенческих памятников, отражающих многие социально-бытовые аспекты, погребальные комплексы, культовые памятники, памятники наскального искусства, и др.

Помимо археологических источников использовались этнографические данные по тем народам таежной зоны, в формировании которых, по мнению ряда исследователей, участвовали носители лесостепных культур раннего железного века. Прежде всего, это касается енисейско-язычных и самодийских народов Нижнего Енисея, материальная культура и фольклор которых могли сохранять до начала XX века отдельные «скифские» элементы. А также этнографические материалы по коренным народам Саянского региона (хакасы, тувинцы, алтайцы и др.), культура которых унаследовала многие традиции древних обществ Южной Сибири. Для проведения аналогий учитывались материалы археолого-этнографических исследований Западной Сибири. В обширном, сопредельном регионе Западной Сибири таежные культуры характеризуются гораздо более высокой степенью изученности, а проблеме взаимодействия лесостепного и таежного населения посвящен целый ряд научных разработок.

Объектом исследования является региональная культура Приенисейской Сибири эпохи раннего железного века.

Предмет исследования – общее и особенное в культурогенезе таежных и лесостепных районов Приенисейской Сибири в период раннего железного века.

Цель исследования заключается в реконструкции материальной и духовной культуры населения Приенисейской Сибири эпохи раннего железного века.

Задачи исследования:

1. Выделить общее и особенное в культурных комплексах раннего железного века Приенисейской Сибири.

2. Раскрыть особенности формирования комплексов материальной культуры населения Приенисейской Сибири раннего железного века в соответствии с условиями географической среды указанного региона. Рассмотреть обусловленные географической средой материальные комплексы как составные элементы экокультуросистем.

3. Раскрыть специфику мировоззренческой картины населения Приенисейской Сибири эпохи раннего железного века.

4. Выявить значение различных форм культурного диалога в культурогенезе таежного и лесостепного населения Приенисейской Сибири в эпоху раннего железного века.

Территориальные рамки работы охватывают область распространения тагарской археологической культуры, но, прежде всего, северный лесостепной ее регион по линии: Ачинско-Мариинская лесостепь – Красноярско-Канский район, в котором выделены лесостепная тагарская культура (по А.И. Мартынову) и красноярский вариант тагарской культуры (по Р.В. Николаеву), то есть непосредственно та территория, на которой носители тагарской культуры граничили с представителями северных таяжных племен. А также таяжные территории Среднего и Нижнего Енисея, Северного и Нижнего Приангарья, сопредельные с северным ареалом распространения тагарской культуры, на которых в последнее время выделены яркие археологические комплексы скифо-сарматского времени. Северо-восточная граница тагарского мира была линией соприкосновения тагарцев с особым миром культур восточносибирской тайги. Западная граница этого таяжного мира проходила по линии Обь-Енисейского водораздела, о чем свидетельствуют археологические материалы многих памятников долины Енисея и его левобережных притоков.

Хронологические рамки работы включают период VII-II веков до н. э., т.е., время бытования тагарской культуры, а также тагаро-таштыкский переходный период (тесинский этап, шестаковский для тагарской лесостепной культуры) – II-I вв. до н.э.

В качестве **методологической базы** использовались системный подход, индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы познания. Широко использованы структурно-функциональный метод, аксиологический, герменевтический и феноменологический подходы к изучению культуры.

В своем исследовании автор опирался на научные идеи, изложенные в трудах М.Б. Абсалямова, В.А. Анучина, М.М. Бахтина, В.С. Библера, Л.Н. Гумилева, М.С. Кагана, Л.С. Клейна, М.Ф. Косарева, А.И. Мартынова, А.П. Окладникова, Д.С. Раевского, С.И. Руденко, в которых разрабатывались проблемы познания культуры в теоретическом и конкретно-эмпирическом контекстах.

В процессе анализа археологических материалов использовались статистический, историко-сравнительный, историко-типологический методы исследования, этнографические аналогии.

Положения выносимые на защиту:

1. Развитие обоих социокультурных миров (лесостепного, тагарского и мира таяжных культур) происходило в условиях «культурного диалога». Для облика культуры таяжного населения это взаимодействие имело более выраженный характер.

2. Важными факторами культуругенеза предстают особенности географической среды. По сути, все технологическое поле каждой, отдельно взятой культуры сформировано под влиянием природных факторов. Семантическое

поле, мировоззренческая система тоже формируются под известным влиянием географической среды. Целиком весь комплекс материальной и духовной культуры, отдельно взятой социокультурной общности, в контексте данного исследования представляющей в виде археологической культуры, отвечающий условиям окружающей географической среды, можно представить как экокультуросистему. Экологические особенности обуславливали сам облик экокультуросистемы, диктовали способы освоения географической среды. Тагарцы создали сложный хозяйственный комплекс, полностью отвечающий условиям географической среды Хакасско-Минусинской котловины и сопредельных с ней лесостепей Ачинско-Мариинского и Красноярско-Канского районов. Земледелие (пойменное и орошаемое), скотоводство (придомных, пастбищных и отгонных форм) были наиболее рациональными формами (для технического уровня раннего железного века) ведения хозяйства на указанных территориях. Обилие медных руд в описанном регионе обусловило предпосылки для выделения металлургии бронзы у тагарцев в отдельную и важную отрасль хозяйственной жизни. Общность таежных охотников и рыбаков раннего железного века Приенисейской Сибири являла экокультуросистему принципиально отличную от тагарской. Основой хозяйственной жизни этой общности были присваивающие формы (охота, ловля рыбы, собирательство). Можно говорить, что в таежном мире сохранялись многие особенности материальной культуры, образа жизни с эпохи неолита. Но в процессе культурного диалога с лесостепным тагарским югом в культуру таежных племен было привнесено много нового. Это и различные типы металлических орудий, и навыки обработки металла. Южное, тагарское влияние стало во многом определяющим для облика материальной культуры таежных племен.

3. Мировоззренческая система тагарского общества сложилась под влиянием как природных предпосылок, так и культурного окружения тагарцев. С одной стороны, обилие в искусстве тагарской культуры образов, единых для всей скифо-сибирской историко-культурной общности, предполагает наличие общих со всем скифским миром религиозных, мифологических, идеологических установок, мировоззренческих оснований. С другой стороны, на фоне общего (скифо-сибирского) мировоззренческого комплекса в мифолого-мировоззренческой системе у тагарцев ярко проступают особенности, обусловленные вероятно уникальным для скифского мира сочетанием основных направлений хозяйственной жизни. У таежных племен, как и в материальной сфере, в духовной культуре преобладали мифологические и мировоззренческие установки, появившиеся еще в эпоху неолита. Яркой чертой духовной культуры таежных племен было шаманство, развивавшееся в таежном регионе Восточной Сибири с эпохи неолита – раннего бронзового века.

Научная новизна исследования:

1. Предпринят развернутый культурологический анализ культур раннего железного века Приенисейской Сибири как культурных целостностей.

2. Культурные комплексы раннего железного века Приенисейской Сибири с учетом локальных особенностей, диктуемых факторами географической среды, рассмотрены как экокультуросистемы.

3. Дано определение понятия «археологическая культура», применимое при культурологическом подходе к решению поставленных задач.

4. Предложены новые варианты интерпретации мифологического содержания отдельных сюжетов древнего искусства Южной Сибири (сцены терзания, бинарные композиции с орнитоморфными головками и др.), а также варианты реконструкции отдельных обрядовых практик, предпринятые на материалах культовых памятников, которые укладываются в общие мифолого-мировоззренческие системы Приенисейских племен раннего железного века, отчасти реконструируемые в представленной работе.

5. На основе выделения общих и особенных черт материальной и духовной сторон рассмотренных культур в работе раскрываются ценностные основания, особенности и значение культурного диалога таежного и лесостепного населения эпохи раннего железного века Приенисейской Сибири.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке культурологических подходов к археологическим источникам и исследованиям с целью раскрытия их культурного содержания. Этим утверждается культурологическая методология в теоретическом познании древних культур, применимая в археологии, истории, этнографии.

Практическая значимость работы заключается в том, что заявленные в ней подходы могут быть продуктивны в осмыслении культурогенеза коренных народов Приенисейской Сибири. Результаты диссертационного исследования являются основой для разработки и чтения курсов по культурологии, истории культуры, спецкурсов по региональной исторической тематике в ВУЗах.

Апробация работы. Отдельные выводы и положения диссертации нашли отражение в 13 научных публикациях. В виде докладов и сообщений обсуждались на всероссийских научных конференциях: «История, культура, общество» (Красноярск, 2004) и «Сибирь и Россия» (Красноярск, 2005), на XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции (Томск, 2005), Красноярской городской научно-практической конференции «Народы Приенисейской Сибири. История и современность» (2001), региональных археолого-этнографических студенческих конференциях в Чите (1999), Новосибирске (2000), Барнауле (2001), Омске (2002), Томске (2003), на открытой дискуссионной кафедре «Архαιка и современ-

ное искусство. Голоса территорий» (Омск, 2004). В полном объеме диссертация обсуждалась на научно-методологических семинарах аспирантов и соискателей КрасГАУ и на кафедре культурологии и философии науки КрасГАУ.

Структура и объем диссертации обусловлены авторским замыслом и логикой исследования, направленных на достижение целей и задач. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении диссертации содержится обоснование актуальности темы, определяются объект и предмет исследования, степень изученности проблемы и формулируются цели и задачи. Раскрывается научная и практическая значимость диссертационного исследования, характеризуются исследовательские методы работы.

Первая глава *«Общее и особенное в материальной культуре населения Приенисейской Сибири в раннем железном веке»* посвящена рассмотрению основных особенностей всего комплекса технико-технологического бытия лесостепных и таежных культур Приенисейской Сибири раннего железного века. При этом в текст исследования вводится понятие «экокультуросистема», отвечающее задачам культурологического познания жизнедеятельных технико-технологических форм бытия культурных общностей в их взаимосвязи с окружающей географической средой.

Первый параграф *«Материальная культура и географическая среда»*. В процессе социального познания древних обществ, в особенности их материальных комплексов известных по археологическим источникам, невозможно раскрыть всю глубину их содержания без учета природных, географических предпосылок формирования самого облика материальной культуры.

Сами древние социокультурные общности предстают перед исследователем как совокупности археологических источников и раскрываются через археологические культуры – специфические комплексы материальных следов жизнедеятельности. Поскольку изучение большинства древних культур проходит главным образом в рамках археологической науки при задачах социального и культурологического познания, то понятие «археологическая культура» выходит за рамки сугубо археологических исследований в общее предметное поле социогуманитарных наук. Возникает потребность в определении понятия «археологическая культура», которое бы отвечало не только задачам практических археологических исследований, но и целям социального и культурологического познания древних обществ. В контексте данного исследования понятие «археологическая культура» может тракто-

ваться следующим образом: археологическая культура – это локализуемая в пространстве и времени этносоциокультурная общность, выделяемая по своеобразие и внутреннему единству форм быта, способов природопользования, жизнедеятельных технологий, мировоззренческих установок, способов выражения в искусстве и социальных институтов, известная по археологическим источникам.

При рассмотрении особенностей материальных комплексов древних культур, возникших в результате взаимодействия с природным окружением создается потребность обозначения совокупности природных факторов, влияющих на культуuroгенез. Не раз в исследования, посвященные культуuroгенезу древних обществ, вводились понятия: «географическая (ландшафтная) оболочка», «ландшафт», «географическая среда». Представляется наиболее убедительным термин «географическая среда», так как это понятие наиболее соотносительно с обществом, с культурой. Географическая среда возникает вместе с обществом и является необходимейшим условием развития общества. Именно географическая среда, а не природа вообще определяет особенности культуuroгенеза конкретной социокультурной общности.

При изучении воздействия географической среды на адаптацию развития какой-либо отдельно взятой социокультурной общности появляется необходимость в понятии, отражающем взаимодействие человека с природным окружением на некоем локальном уровне ландшафтного окружения конкретной этнической группы, социальной общности, археологической культуры и т.д. Таким понятием может стать термин «хозяйственный ареал», который может пониматься как сфера непосредственного контакта человека и окружающей его природной среды.

Особой важностью в данном исследовании обладают вопросы экологии человека и культуры. Комплекс материальной культуры, отражающий отношения человеческой культуры с природной средой может пониматься как экоккультуросистема, поскольку становление человека, как носителя культуры не может не включать в себя оценку его места в окружающей географической среде, и роли в ее преобразовании. Вообще, изучение материальной культуры может пониматься как исследование технико-технологического бытия экоккультуросистем.

Территория Приенисейской Сибири в данном исследовании понимается как географическая среда развития двух экоккультуросистем: «тагарской» и «таежной». При рассмотрении особенностей материальной культуры обоих социокультурных миров (лесостепного тагарского и таежного) при условии диалога с географической средой раскрывается картина законосообразного развития технико-технологического бытия обеих экоккультуросистем.

Среди главных особенностей географической среды, существенно повлиявших на сложение самого материального комплекса тагарской культуры, культуры земледельцев, скотоводов, ремесленников - металлургов, были: сравнительно благоприятные условия для сельскохозяйственного освоения, исключительное разнообразие типов ландшафтов представленных на территории развития тагарской археологической культуры (степи, лесостепи, горная тайга), обилие ряда природных ресурсов (прежде всего, залежей и естественных выходов руд цветных металлов). Культура населения таежных территорий раннего железного века являла принципиально отличный тип технико-технологического бытия экокультуросистемы в силу природных характеристик, особенностей географической среды. При технологиях и уровне развития производительных сил той эпохи сложение производящих форм хозяйственной жизни на большей части таежных территорий Приенисейской Сибири было в принципе невозможно. Обилие ряда природных ресурсов (промысловые виды животных, рыба в водоемах и т. д.) делало образ жизни таежных охотников и рыбаков единственно возможной формой существования человеческих коллективов в ангарской и нижеенисейской тайге. Отсутствие, каких либо, естественных выходов цветных металлов, потребность в бронзовых орудиях обусловили необходимость культурного диалога с лесостепным югом.

Второй параграф *«Особенности материальной культуры таежной и лесостепной зон Приенисейской Сибири в раннем железном веке»*. Территория бассейна Среднего Енисея (Хакасско-Минусинская котловина, Красноярская лесостепь) с прилегающими с запада лесостепями (бассейн реки Чулыма, Ачинско-Мариинская лесостепь) с ее разветвленной речной системой, обилием заливных лугов, чередованием степных и таежных районов, обилием плодородных почв создала благоприятные условия для возникновения тагарской культурной общности, хозяйственная жизнь которой была построена на сочетании орошаемого земледелия и различных форм скотоводства. Природные условия таежных районов Среднего и Нижнего Енисея, Нижней Ангары и их притоков не отвечали возможности ведения производящих форм хозяйства, и стали территорией распространения общности таежных охотников и рыбаков. Границы распространения двух культурных ареалов Приенисейской Сибири в раннем железном веке (тагарская общность племен и племена таежных охотников) более менее совпадают с природными границами вышеназванных регионов. Анализ материального комплекса не может в полной мере раскрыть содержание культуры. Для этого необходимо рассмотреть мировоззренческие основания бытия социокультурного мира. Но мировоззрение определялось с одной стороны особенностями духовного освоения окружающей среды, с другой – материального. Орудия, поселения

и т. д. представляли опредмеченные ценности, имевшие определенное место в мировоззренческой структуре. Они являлись лишь частичным отражением технологического поля культуры. Но технологическое поле не могло существовать в отрыве от семантического. Анализ материальной культуры необходим для построения обобщенной, целостной картины бытия древних культур.

Рассмотренные в первой главе представленного исследования две экосистемы – степной и лесостепной зон Приенисейской Сибири (тагарская культура) и таежной зоны в своей археологической информативности приводят к следующим выводам:

1. И таежные и лесостепные (тагарская) культуры на протяжении раннего железного века развивались в условиях тесного взаимодействия и выраженного взаимовлияния. Однако, социокультурный мир тагарской культуры оказывал на мир таежных культур гораздо большее влияние. Если, в материальной культуре северных лесостепных тагарцев, набор типов изделий заимствованный у таежного населения ограничен всего несколькими наименованиями, то для таежных культур раннего железного века в некоторых областях материальной культуры влияние тагарского юга было определяющим (например: весь орудийный набор металлических изделий, металлургия).

2. Обе социокультурные общности (тагарская культура и таежные племена) развивались под сильным влиянием скифо-сибирской историко-культурной общности, особенно проявившимся в области материальной культуры. Но для тагарской культуры, бывшей частью этой общности, непосредственно граничащей территориально со многими культурами, входящими в эту общность, влияние скифо-сибирского мира было одним из определяющих факторов развития. Таежные племена воспринимали достижения скифского мира опосредованно, через тагарцев. И даже при обилии находок «скифского» облика на таежных памятниках невозможно включить таежные культуры Приенисейской Сибири в скифо-сибирскую историко-культурную общность.

3. Под воздействием природных факторов географической среды и тагарская культура, и таежные племена, сохраняя единство, выработали множество вариантов сочетания способов освоения окружающих ландшафтов. Территория тагарской культуры, отличающаяся гораздо большим разнообразием географической среды, может быть разделена на несколько (минимум три) крупных зоны (тагарская культура Хакасско-Минусинской котловины, лесостепная тагарская культура Ачинско-Марининской лесостепи и красноярский вариант тагарской культуры), в каждой из которых возникали свои, неповторимые комплексы материальной культуры. Это было связано со способами непосредственного освоения окружающей среды, с различиями ре-

сурсов непосредственного хозяйственного ареала каждого из сложившихся вариантов тагарской культуры, с различным социокультурным окружением. Таежная зона Приенисейской Сибири несколько более монолитна как в географическом плане, так и в культурном. Исключение здесь составляет небольшой район таежной и подтаежной зон Среднего Енисея, где под влиянием тагарцев сопредельной Красноярской лесостепи в раннем железном веке складывается уникальный в общем таежный, но во многом близкий и к тагарскому комплекс материальной культуры.

И тагарская культура, и культура таежного населения представляют два варианта эконокультуросистемы. Природным характеристикам географической среды отвечают способы производства, формы ведения хозяйства, весь комплекс материальной культуры. Но облик материальной культуры тагарского общества и, еще в большей степени, материальной культуры таежных современников тагарцев не обусловлен целиком лишь природными предпосылками. Культурный диалог с другими территориями играл огромную роль в становлении самого облика материальной культуры.

Что касается тагарской культуры, то ее вообще невозможно рассматривать в отрыве от других культур скифо-сибирской общности. Многие культурные явления, формы и типы орудий, поселений, способов освоения окружающей среды и т.д. в рамках скифского времени стали общими для огромных территорий степной и лесостепной Евразии.

На таежных памятниках раннего железного века Приенисейской Сибири можно довольно четко выделить комплекс предметов материальной культуры сложившийся в результате культурного диалога с тагарским югом (прежде всего, весь комплекс бронзовых изделий используемых таежниками, изделия из железа). Эти предметы являлись неотъемлемыми элементами материального мира нижнеенисейских и ангарских племен. При этом, их сравнительно редкая встречаемость в погребальных и поселенческих комплексах, использование в качестве культовой атрибутики (на материалах ангарских святилищ раннего железного века) говорит об особом месте подобных изделий в ценностном поле культуры таежных племен.

Вторая глава *«Мировоззрение населения Приенисейской Сибири в раннем железном веке»*. Важным аспектом данного исследования является попытка реконструкции религиозно-мифологических элементов мировоззрения. Одной из сторон диалога культур населения лесостепей и тайги Приенисейской Сибири в эпоху раннего железа было проникновение из лесостепной зоны в таежный мир религиозных и мифологических идей, представлений.

Первый параграф *«Основания реконструкции мифолого-мировоззренческих форм бытия древних культур»*. Воссоздание мировоззренческих основ человеческого бытия в рамках той или иной этнической и культурной общности является одним из значительных аспектов теоретической реконструкции. Нельзя забывать, что практически на всех этапах своего исторического развития человек во многих проявлениях своей деятельности руководствовался мифами. Мифология была не просто поэтическим осмыслением природы, а, по сути, формой восприятия и описания реальности, способом видения мира. Мифы несли в древних обществах представления об устройстве жизни, регулировали социальную сферу бытия, экономическую, отношения «человек – природа». Поэтому ключевым моментом в реконструкции мировоззрения является прочтение древних мифов.

Любая отдельно взятая мифология всегда содержит огромный пласт общечеловеческих мифологических элементов, и вполне обоснованно в ряде случаев привлекать самые широкие аналогии. По сути, знаковая символика изображений древнего искусства Приенисейской Сибири может быть интерпретирована на разных уровнях.

Во-первых, огромный пласт сюжетов и символов отражает мифологические архетипы характерные для мифолого-мировоззренческих систем самых разных культур, эпох. Такие архетипические образы как мировое древо, мировая гора, трехуровневая вселенная и т. д. можно без натяжки назвать общечеловеческими.

Во-вторых, большой комплекс древних изображений представляет собой символы, распространенные на огромной территории скифо-сибирской культурной общности, периодически репродуцируемые на протяжении целого ряда столетий на территориях от Забайкалья до Карпат с востока на запад и от таежных районов Сибири до Северного Китая, Памира и Ирана с севера на юг. Это, прежде всего, образы скифо-сибирского звериного стиля, с их сложной, мифологически и магически нагруженной символикой.

Отдельные типы изображений с писаниц Ангары и Среднего Енисея уникальны, ибо очень ограничены в пространственном их распространении. Возможно, они представляют местную локальную изобразительную и мифологическую традицию. Следует заметить, что для теоретического моделирования важнее не стилистический анализ древних изображений, имеющий огромное значение для археологической периодизации, определения ареала культурных контактов, а их семантика, расшифровка закодированных в них мифологических образов. В древних и традиционных обществах определенной семантикой нагружались многие предметы быта, окружающие человека в его повседневности. Костюм, посуда, вооружение, жилище, орудия труда,

конское снаряжение, предметы туалета – все несло религиозно-магическую нагрузку, закодированную мифологическую информацию. Фактически, большая часть предметов быта в древних и традиционных культурах наделялась сакральным значением. Изготовление каждого предмета становилось процессом «опредмечивания» определенных (прежде всего духовного плана) культурных ценностей.

Определенные мифологические представления до недавнего времени господствовали на огромной территории Южной, Средней и Восточной Сибири. Мировоззрение народов этого региона формировалось в течение тысяч лет под воздействием различных культурных влияний. Определенные пласты мифологических представлений этих народов уходят корнями в глубокую древность во времена неолита, бронзового века, в скифо-сарматское время. Многие элементы возникли в результате позднейших напластований и зачастую связаны с влиянием таких религий как буддизм, манихейство и т.д. Для использования этнографического материала при реконструкции мировоззрения древних культур Приенисейской Сибири перед исследователем стоит сложная задача вычленения наиболее древних пластов мифологии. Однако для реконструкции мифологии и мифологического сознания древних культур Приенисейской Сибири просто необходимо обращаться к живым мифологиям и зафиксировавшим их этнографическим текстам.

Второй параграф *«Мифология и мировоззрение населения степной и лесостепной зоны Среднего Енисея раннего железного века в образах декоративного искусства и по материалам культовых памятников»*.

Для понимания многих аспектов мировоззрения племен скифского мира первостепенное значение имеет изучение памятников скифо-сибирского искусства, содержащих образы мифологии древних народов. А. И. Мартынов выделяет мировоззренческое единство как один из важных факторов формирования самой скифо-сибирской культурно-исторической общности. Выделяя особенности собственно тагарской культуры, в религиозных практиках, использовании в искусстве тех или иных мифологических сюжетов, архетипов, все же необходимо учитывать, что тагарское общество, было частью огромного скифо-сибирского мира. Как и при анализе основ материальной культуры, для построения наиболее адекватной картины мировоззрения тагарцев необходимо рассматривать общее и особенное в искусстве, обрядовых практиках культовых и погребальных комплексов тагарской культуры и других скифоидных культур Евразии.

Центр мироздания в мифологической картине мира скифо-сибирских культур, подобно многим мировым мифологиям воплощал архетипический образ мирового древа, одним из воплощений которого было символизирую-

щее культ растительных сил природы древо жизни. Для традиционного мировоззрения большинства коренных народов Сибири была характерна трехчленная картина мироздания. С большой долей достоверности можно утверждать, что в мифологической картине мироздания людей тагарской культуры по вертикали вселенная представляла трехступенчатую модель, связанную представленным мировым деревом-столпом. Идея цикличности бытия, выраженная, например, в сценах терзания, важным элементом которой стало представление о смерти как неременном условии возрождения, способствовала оформлению культа предков.

И культы растительных сил природы, и культ предков, и социальные установления, и космогонические, космологические представления, складывались вместе в определенную целостную систему мировоззрения, которая была детально реконструирована в работах А.И. Мартынова, Д.С. Раевского, М.Б. Абсалямова и др.

Мировоззренческая система тагарского общества сложилась под влиянием, как природных предпосылок, так и культурного окружения тагарцев. С одной стороны, обилие в искусстве тагарской культуры образов, единых для всей скифо-сибирской историко-культурной общности, предполагает наличие общих со всем скифским миром религиозных, мифологических, идеологических установок, мировоззренческих оснований. С другой стороны на фоне общего (скифо-сибирского) мировоззренческого комплекса в мифолого-мировоззренческой системе у тагарцев ярко проступают особенности, обусловленные вероятно уникальным для скифского мира сочетанием основных направлений хозяйственной жизни. Следует указать, что при решении вопросов социогенеза в тагарском обществе (которые в представленном исследовании не поднимались), огромное значение имеет реконструкция тагарской мировоззренческой системы. Наличие крупных культовых центров (Салбыкский могильник, Большеозерское святилище) объединяющих вокруг себя, вероятно, значительные территории тагарского мира (если не весь тагарский мир), определенная социальная направленность ряда господствующих у тагарского населения культов (оформленный культ предков, получивший отражение в реалиях святилища на озере Большом, погребальных комплексах) свидетельствуют о сложном социальном устройстве общества, создавшего тагарскую культуру.

Третий параграф *«Святилища таежной зоны Приенисейской Сибири как мировоззренческие тексты культуры»*. Если в плане материальной культуры, возможно констатировать определенную зависимость населения таежной части Приенисейской Сибири от сообщения с южными лесостепными современниками, то в области духовной культуры таежные регионы

были достаточно самостоятельны. Более того, изучение памятников наскального искусства, некоторых культовых комплексов, могильников, таежных регионов, в особенности Нижнего Приангарья, предпринятое рядом исследователей в последние годы (А.Л. Заика, В.П. Леонтьев, Ю.А. Гревцов, А.Ю. Тарасов, П.В. Мандрыка, В.И. Привалихин и др.) позволило совершенно по новому оценить роль населения тайги в формировании изобразительных традиций в искусстве, мифологии, мировоззрения коренных народов Сибири.

На основе изучения культовых памятников, памятников искусства, погребальных комплексов можно в общих чертах раскрыть картину мировоззрения таежного населения Приенисейской Сибири раннего железного века. В основе мифологической картины мира таежных племен лежали космогонические сюжеты, известные в Сибири (во всяком случае, фиксируемые по материалам памятников древнего искусства) с эпохи неолита. Данные этнографии свидетельствуют что в общих чертах эта древняя система мировоззрения сохранялась у многих народов Сибири практически до периода этнографической современности. Анализ материалов культовых памятников Нижнего Приангарья позволяет выделить отдельные элементы этой мировоззренческой системы. Так, уместно предположение, что важное место в мифологии таежного населения было отведено образу водоплавающей птицы. С этим образом был связан один из вариантов мифа о творении. В искусстве, материальной культуре данный образ получил выражение в орнитоморфных изображениях на ангарских писаницах, в использовании в культовой практике эссовидных и бабочковидных бронзовых блях южного лесостепного производства которые в силу своей орнитоморфной символики по-своему могли трактоваться таежным населением. Другой стороной духовной культуры таежных племен стал культ медведя. Он получил свое выражение в ритуальных захоронениях или жертвоприношениях частей животных на святилищах Нижней Ангары. Образ медведя был особенно важен в мировоззренческой системе таежных племен. Медведь и один из главных участников великой космической драмы (миф о «космической охоте»), и возможно мифический предок человека, воплощающий мужскую производительную силу. Еще один важный элемент верований таежного населения Приенисейской Сибири раннего железного века – культ горы прародительницы, воплощавший и обожествленную стихию земного плодородия и древний, нашедший выражение во многих мифологиях мира архетип мировой горы. Все эти три смысловых, мировоззренческих элемента были связаны между собой обрядовой практикой на культовых комплексах. Обилие среди материалов святилищ дефицитной привозной бронзы, зафиксированные

факты очень продолжительного функционирования самих святилищ говорят об их важной роли в жизни Ангарских племен.

Важным итогом археологического исследования погребальных и культовых комплексов Нижнего Приангарья стало подтверждение существования у таежных племен раннего железного века шаманства. Причем многие связанные с древним шаманством образы, представления фиксируются и у современных народов Сибири. Видимо с древним шаманизмом таежных племен связано большинство антропоморфных образов из таежных районов раннего железного века, представленных как в малой пластике (металлические изображения, костяные, личины на керамике), так и в наскальном искусстве. Они, по аналогии с шаманской атрибутикой более поздних эпох могли изображать духов предков шамана, духов-помощников, духов покровителей мест (в случае с наскальными изображениями).

Интересной особенностью духовной культуры таежных племен эпохи раннего железа Приенисейской Сибири стала в некотором роде консервация многих элементов, восходящих к эпохе неолита. Так и культ медведя (а также, связанные с ним мифологические сюжеты), и важный в мировоззренческой системе образ водоплавающей птицы, и многие другие особенности имеют еще неолитические истоки. Любопытно, что с одной стороны таежные племена в эпоху раннего железа еще почти полностью сохраняли неолитический уклад в хозяйственной жизни (таежные охотники, рыбаки и собиратели), а вместе с этим и многие неолитические черты в материальной культуре (изготовление каменных орудий). С другой стороны, в мировоззрении таежных племен как бы законсервировались, пусть и в несколько видоизмененных чертах, элементы неолитической по сути мифологии, верований.

Но эпоха раннего железного века в истории духовной культуры таежных племен ознаменовалась еще и сильным воздействием, которое оказывалось со стороны южных, лесостепных племен скифо-сибирского мира. Первое, что попадало в северную тайгу, — это отдельные образцы скифо-сибирского искусства на украшениях и утилитарных предметах. Возможно, в собственно скифское время этим и ограничивалось южное влияние на таежный мир в области духовной культуры. Для позднескифского и гунно-сарматского времени в искусстве таежных районов исследователи выделяют некоторые новые веяния. Это, например появление в наскальном искусстве Нижнего Приангарья неиспользуемой в предыдущие эпохи солярной символики. Видимо это прямое влияние идеологии скифо-сибирского мира (в котором солярные культы приобрели огромное значение). Влияние скифского мира на ангарскую тайгу стало проявляться и в прямом использовании отдельных южных сюжетов и традиций в наскальном искусстве. Следует заметить, что

петроглифы, несущие мотивы скифо-сибирского искусства встречаются на Ангаре не повсеместно, а сконцентрированы на отдельных локальных памятниках. При нынешнем состоянии исследованности таежных регионов трудно точно определить причины появления этих южных сюжетов на писаницах Ангары. Возможно, имел место факт переселения в таежную зону Средней Сибири некоторого количества представителей южных лесостепных культур в позднескифское и гунно-сарматское время.

В **Заключении** диссертации формулируются основные выводы исследования, степень решения задач, поставленных в работе. Основные результаты диссертационного исследования видятся прежде всего в раскрытии значения культурологического подхода для интерпретации материалов археологических исследований. В представленной диссертации предпринята попытка культурологического осмысления двух различных социокультурных миров эпохи раннего железного века – мира тагарской культуры (степи и лесостепные районы Среднего Енисея с рядом сопредельных районов) и мира культуры таежных охотников скифского времени Среднего и Нижнего Енисея, Нижней Ангары. Развернутый анализ всего культурного комплекса, включающего материальную и духовную сферы, а также его ценностные основания позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Культурный диалог, культурное взаимодействие с лесостепными южными районами значительно обогащали как материальную, так и духовную сферу культуры таежных охотников. При этом таежное население долины Енисея и его притоков на протяжении эпохи раннего железного века развивало своеобразные культурные формы, которые, изменяясь под южным тагарским влиянием, сохраняли уникальность. Так, например, есть основания предполагать, что ряд образов скифо-сибирского звериного стиля, транслируемый в таежные районы посредством, вероятно, торговли образцами металлопластики, совершенно по-своему мог интерпретироваться таежным населением. Образам южного происхождения могло придаваться совсем другое содержание. Без каких-либо значительных изменений самого образа жизни в культуре таежных охотников находили свое место многие орудия, технологии, образы искусства скифо-сибирских форм.

2. Диалог с лесостепным югом стал в эпоху раннего железного века значительным фактором культурогенеза. Необходимо заметить, что в предыдущие эпохи неолита и бронзового века в материалах археологических памятников таежной зоны обилия находок южного лесостепного происхождения, подобного памятникам раннего железного века не отмечено. Взаимодействие с лесостепным югом стало значительным фактором культурогенеза таежных народов лишь со скифского времени.

Это, вероятно, связано с окончательным формированием в географических рамках Приенисейской Сибири двух основных экономических зон: производящей (тагарский мир) и присваивающей (таежные районы) экономики. И с развитием в лесостепных, тагарских районах ремесла (главным образом металлургии бронзы), генезисом ряда новых экономических и социальных форм.

По М. Б. Абсалимову, модель культуры представляет единство двух полей: семантического (смысло-содержательного) и технологического (формального). Технологическое поле, представлено комплексом материальной культуры, известным по археологическим источникам и характеризующим хозяйственную систему общества. Смысло-содержательное поле образовано основными элементами мировоззренческой системы.

В представленном исследовании в единстве, образующем культурные комплексы Приенисейской Сибири раннего железного века, раскрываются оба этих поля.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. К археологическому изучению Нижнего Енисея // Молодая археология и этнология Сибири. – Чита, 1999. – Ч. 2. – С. 121-122.
2. К вопросу о железном веке в таежных районах Нижнего Енисея // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – Т. 1. – С. 193-194.
3. К вопросу о культурных связях населения таежных районов Нижнего Енисея в период раннего железного века (на основе данных керамики) // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001. – С. 305-307.
4. Некоторые аспекты материальной культуры населения Нижнего Енисея в раннем железном веке // Народы Приенисейской Сибири. История и современность. – Красноярск, 2001. – С. 108-112.
5. Находки со стоянки Усть-Подкаменная Тунгуска в собрании Енисейского краеведческого музея // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 2002. – С. 323-325.
6. Коллекция бронзовых предметов древнего культового литья из фондов Енисейского краеведческого музея // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 2002. – С. 570-573 (в соавт. с А.Л. Заикой).
7. К проблеме выделения культовых памятников раннего железного века в таежной зоне Средней Сибири // Красноярский край: освоение, развитие, перспективы. – Красноярск, 2003. – С. 154.

8. К вопросу о культовых комплексах железного века тасжной зоны Нижнего Енисея и Ангары // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск, 2003. – С. 232-233.
9. К проблеме единства и различий культур енисейского ареала в эпоху раннего железного века // История, культура, общество. – Красноярск, 2004. – С. 203-208.
10. К проблеме общего и единичного в культурах раннего железного века приенисейского региона // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С. 164-167.
11. К истокам этноархаики в современном изобразительном искусстве // Архаика и современное искусство. Голоса территорий. – Омск, 2005. – С. 5-8.
12. К мифологической трактовке сцен терзания в скифо-сибирском искусстве // Древности Приенисейской Сибири. Вып. IV. – Красноярск, 2005. – С. 117-121
13. Художественная металлопластика и петроглифы Нижнего Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. Вып. IV. – Красноярск, 2005. – С. 121-127 (в соавт. с А.Л. Заикой).

Подписано к печати 20.04.06. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 1,3. Тираж 100 экз. Заказ № 20.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

2006A

9027

9027